

НОВЫЕ ВОРОТА

АНТОЛОГИЯ ИВРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (Еврейская литература XIX–XX веков в русских переводах. Составители: Хаму-таш Бар-Йосеф и Зоя Копельман. Российский Государственный Гуманитарный университет и Центр библистики и иудаики. Москва, 1999

Это издание не имеет прецедентов: в увесистом, прекрасно изданном томе представлена наша национальная литература двух последних веков. И литература не религиозная, которая дала евреям основание гордо именовать себя народом книги, но именно светская – неотъемлемый атрибут сегодняшнего национального бытия.

Какие авторы и какие произведения должны представлять ее в одном, пусть и большом, томе, в каком объеме и в каких пропорциях – все это вопросы, на которые составители должны были аргументировано ответить, прежде чем приступить к практической работе. Но и на втором этапе следовало принять ряд ответственных решений. Например, какие переводы печатать: ведь и переводческая школа все еще формируется, а многие прежние переводы не выдерживают критики. Так, некоторые рассказы Михи-Йосефа Бердичевского, одного из основоположников современной ивритской прозы, были довольно неумело переведены его женой и не переводились в дальнейшем. Замечательный писатель-молерист в таком переводе выглядел тускло-рационалистически и эпитонски.

Замысел издания возник у Х. Бар-Йосеф – профессора университета им. Бен-Гуриона и известной ивритской поэтессы – в ходе подготовки и чтения лекций студентам в Российском Государственном Гуманитарном университете. Русскоязычный читатель ищет в еврейской литературе ответы на вековые вопросы о сущности еврейства, о еврейском национальном характере, о том, как евреи видят самих себя и свою национальную судьбу, что и как заимствуют у других народов и как к ним относятся «на самом деле». Более полного источника, чем еврейская литература, тут просто не существует. Но есть отличие, и существующее, между евреев, эмигрировавшего в Израиль. От решения вопроса об адресате заинтересованности еврея – и нееврея; еврея, живущего в России, – и еврея, эмигрировавшего в Израиль. От решения вопроса об адресате весьма зависел, конечно, выбор авторов и произведений.

Почему предметом избрана только ивритская литература, но не литература на языке идиш, которая ведь переводилась и на иврит, притом зачастую самими авторами? Ведь за пределами книги остался ни больше ни меньше как Шолом-Алейхем, а «дедушка еврейской литературы» Менделеев Мойхер-Сфорим представлен только одним ивритским рассказом (в переводе И. А. Бунина). Вопрос непростой: на идише говорило подавляющее большинство европейского еврейства, в то время как иврит был языком Писания и молитвы. Впрочем, о языке идиш и литературе на нем в антологий говорится немало. В частности, во вступительной статье, написанной Х. Бар-Йосеф. Мы, выходя из Европы, испытываем понятные симпатии к языку наших отцов, бабушек и дедушек, его родные звуки слышны в нашем детстве. Но история правит по своему усмотрению, в настоящем и будущем она, похоже, предназначает нам иврит. Есть, впрочем, аргументированное мнение публициста Калмана

Кашельсона, что «позиции иврита ослабли. Английский язык вырастает в науку, в общественную жизнь и экономику. ...В XXII веке многие израильтяне будут предпочитать ивриту английский в качестве разговорного языка из-за усиливающейся левантизации, стертой национальной самоидентификации и деградирующей культуры». Возможно. Мы так далеко не заглядываем. Но мы и сегодня переживаем чудо возрождения древнего языка, на котором теперь говорят, пишут, творят, и который стремительно развивается.

Нам кажется замечательной особенностью издания то, что в нем представлена не только собственно художественная литература, но также ивритское литературоведение, критика, эстетика. Нет сомнения, что читатель будет захвачен превосходным эссе Хаима-Нахмана Бялика «Под оболочкой языка», статьями Ахад ха-Ама «Национальная этика», живо заинтересуется работами Михаила Лазарева и Бен-Ами Файнгольда о любви и феминизме в ивритской литературе на этапе ее зарождения и формирования. Несомненно, еврейская мысль на вершине эмансипации, то есть в конце XIX – начале XX века, и в преддверии революций, когда решались судьбы европейского еврейства на многие десятилетия вперед, представляет для нас жгучий интерес. В своем большинстве мы, выходя из Советского Союза, были фатально оторваны от еврейской национальной культуры, почитая своей культуру русскую. Но, как нет худа без добра, так и добра без худа. Коренные ценности еврейства (язык, Писание, образ жизни) стали сначала «непопулярны», а затем были преданы забвению. Не будем здесь говорить о том, *какая* это утрата. Отметим только, что мы оказались трагически беззащитными перед волнами антисемитизма именно вследствие отрыва от национальных корней.

Что же она такое, «древнееврейская литература новейших времен», как на заре века назвал свою статью еврейский литературный критик Иосиф Клаузер? Это, прежде всего, живая литература своего времени, язык которой – древний иврит. Она началась в Германии времен Просвещения: культурные онемеченные евреи сочили полезным пропагандировать полузабытый язык нации. То, несомненно, была некая роскошь. На иврите не говорили, редкие умники и талмудисты умели на нем писать, а ивритское чтение составляли почти исключительно богословские и священные тексты. Трибуной этой группы энтузиастов стал первый еврейский журнал «Ха-меасеф». Едва ли даже самые смелые из них могли предположить, что спустя век новая литература на иврите полноправно войдет в число европейских современных литератур, что она последовательно переживет этапы романтизма, реализма, модернизма и даст настоящих прозаиков и поэтов.

Впрочем, на германской земле ивритской литературе и не было суждено большого будущего: ассимиляция немецких евреев шла чересчур успешно. Зато в Восточной Европе, в Европе местечек, черты оседлости и нищих бейт-мидрашей это начинание было жадно подхвачено. Авраам Мапу написал первый роман на иврите – «Любовь в Сионе». Редкая книга в еврейской истории имела столько читателей. Эта сентиментально-романтическая проза из времен Древнего Израиля стала золотой мечтой ошельманного, презираемого еврейства. Вот уж поистине, сиреведливо было бы приложить к Аврааму Мапу известные стихи:

* Калман Кашельсон. Общественный кризис в Израиле и будущее русское гетто. Журнал «22», № 112. Тель-Авив, 1999.

*Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.*

Возвышенные характеры, благородные страсти в духе высокой трагедии, полновзвучный и многоцветный иврит покорили читателей, дали им чашую духовную опору. Было положено начало ивритской беллетристике.

В те же 30-40-е годы девятнадцатого века началась и новая ивритская поэзия. Она, как и проза, искала мотивов возвышенных, могущих не только реабилитировать евреев в глазах народов Европы, но и формировать еврейское национальное самосознание и национальное достоинство. Иехуда Лейб Гордон пишет романтическую поэму об изгнании испанских евреев — «В пучинах моря». В лермонтовском духе осмысливает еврейскую изгнанническую судьбу Миха Йосеф Лебенсон в стихотворении «Отломанная ветка».

Ивритская национальная литература начиналась и росла как литература европейская — на неевропейском языке. На языке экзотичном, небытовом и изысканном даже для самих евреев. В этом (и, конечно, не только в этом) ее своеобразие и необычность. Иврит как язык новой литературы европейских евреев в XIX веке — какая увлекательная, богатейшая тема для исследования! Иврит как опора и как аргумент в глухом споре с враждебными народами. Язык гордого прошлого и, кто знает, быть может, и будущего возрожденного еврейства? Это будущее уже создалось в слове: ведь главное в том, *что* народ сам о себе думает, *что* о себе решит. Так что не будет преувеличением сказать, что еврейские писатели были главными деятелями национального возрождения.

По-видимому, идеологическая доминанта не была на пользу молодой ивритской литературе как литературе. Но если так было, то иначе и быть не могло. Не будем предписывать времени, которое нам не принадлежит, своих запросов и представлений. А лучше отметим, что в последней трети XIX века ивритская литература вполне вышла из пелен и была представлена первоклассными писателями, каковы Менцель Мойхер-Сфорим, Миха-Йосеф Бердичевский, Мордехай-Зев Фейерберг. Начиная с десятилетия в литературе и национальный гений — Хаим-Нахман Бялик. Кстати, хотелось бы, чтобы Бялика в антологии было больше. Тесно, тесно в этой большой книге.

У русского читателя на слуху имя Агнона, но его современники — Йосеф Хаим Бренер и Ури Нисан Гнесин — можно сказать, незнакомцы. Антология инициирует эту знаменательную встречу. Рассказ Гнесина «В садах» — произведение европейского зрелого модернизма начала XX века. Удивительно, что столь новое для еврейской литературы содержание было воплощено средствами древнего иврита, и воплощено пластически, как сумела нам показать автор современного русского перевода Светлана Шенбрун.

Шмуэль-Йосеф Агнон представлен тремя произведениями, притом два из них — в современных переводах Петра Криксунова и Светланы Шенбрун. Когда читаешь Агнона, задумываешься, о том, *что* есть красота еврейского национального духа. Как гармонично может вливаться общечеловеческое в мхси национальной жизни и еврейской традиции. В этом смысле Агнон актуален сегодня и, полагаем, будет актуален и завтра. Кстати сказать, его не так уж много переводили на русский, и, как считают специалисты, лучшего все еще не перевели. Важным добавле-

нием служит напечатанный в антологии рассказ «Ферихайм» (перевод Светланы Шенбрун): глубокая, едкая проза о немецких евреях в период после Первой мировой — таких патристичных, интеллигентных «немцах», которым, как мы знаем, через 15 лет были уготованы концлагеря.

А вот совсем новое для русского читателя, хотя почтенное в истории ивритской литературы имя: Двора Барон. Она представлена рассказом «Развод» — о горьчайшей судьбе разведенных жен в староеврейском обществе. Вообще, читая Фейерберга, Двору Барон, переживаешь те чувства, которые, видимо, владели нашими предками, стремившимися разорвать заколоченный круг еврейского гетто — независимо от того, к какому издержкам и потерям это приводило в дальнейшем.

В 40-50-е годы нынешнего века в ивритской литературе появляются «саборы», и это очень существенно меняет ее облик. Возникает литература израильская, нерасторжимо связанная с бытием еврейского народа на своей земле. Во многом евреи и вправду становятся «народом, как другие народы», обывается мечта сионизма. Выморочность и убожество, нищета миллионов, жизнь в гетто уходят в прошлое, под ногами появляется почва, оживает еврейская топонимика, являются новые характеры, иные темы. Еврейский патриотизм уже не фантом: еврейское государство — реальность, реальность мирового и исторического значения. Мы здесь не станем перечислять имена — их много, не коснемся и проблематики — она напряжена и сложна. Скажем только, что еврейская литература на новом этапе в еще большей степени стала частью литературной всемирной. Теперь не только нобелевский лауреат Шай Агнон переводится на иностранные языки. Широкою известностью в мире приобретаются Амос Оз, Аарон Апсельфельд, Иона Волах, Давид Авидан, Далия Равикович. Антология представляет и современную ивритскую драматургию — в лице известных на Западе и в России Йосефа Бар-Йосефа (его «Грудные люди» с успехом идут в нескольких русских театрах) и Ханоха Левина.

Здесь говорилось уже о переводах. Для такой книги их уровень — это вопрос более чем принципиальный. Сведущие читатели, конечно, оценят современные поэтические переводы из Эстер Рааб, Хаима Гури, Авота Йешуруна, Меира Визельтира, Ионы Волах, Дана Пагиса, выполненные Гали-Даной Зингер, Зоей Копельман, Михаилом Гензелевым.

Еще одно, чрезвычайно важное качество имеет эта большая книга: она снабжена обширным научным и справочным аппаратом, составленным, главным образом, З. Копельман. Так что антология — это и богатое чтение, и научная книга, и учебник по еврейской литературе.

Теперь, когда эта книга есть, видишь, насколько она была нужна — и живущим в Израиле, и тем, которым издавна небезразлична еврейская литература.

А. К.